Алексей Кукушкин

Белая тень

Алексей Кукушкин

Белая тень

«Автор»
2026

Кукушкин А. Н.

Белая тень / А. Н. Кукушкин — «Автор», 2026

Он плыл за золотом, а нашёл кита.1598 год. Агент Московской компании Томас Уэллс получает тайный приказ: выведать морской путь на Обь — туда, где поморы уже торгуют пушниной, но куда не ступала нога англичанина. Если путь будет найден, Англия получит доступ к «мягкой рухляди» — соболям, что дороже золота.Карта, которую ему дали, уже прострелена. Кормщица Марфа, ведущая его через льды, молчит и смотрит на море так, будто уже теряла кого-то, а вместе с ними идёт человек, который хочет не разведать путь, а отнять его.По дороге Томас встречает кита, которого поморы зовут Белой Тенью и понимает: он плывёт не за пушниной. Он плывёт за правом не отдавать чужое.Но море не возвращает долгов и когда придёт час выбора, Томас сожжёт карту и останется собой.

© Кукушкин А. Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приказ 5
Глава 2. Отплытие 9
Глава 3. Первый лед 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Алексей Кукушкин
Белая тень

Глава 1. Приказ

Томас Уэллс уперся ладонью в дубовую дверь конторы. Железная ручка холодила кожу, впитывая тепло через перчатку. За толстой древесиной тишина. Ни скрипа пера, ни шагов клерка. Только чавканье грязи под сапогами прохожих в соседнем переулке.

Он стукнул костяшками. Раз. Два. Три. Внутри заскрипели половицы, протяжный звук, похожий на стон старого корабля. Дверь отворилась без приглашения.

Густой жар ударил в лицо. Топлёный воск, едкие чернила, мокрая шерсть плаща Томаса — всё смешалось в спёртом воздухе тесной комнаты.

Олдермен Гаррет стоял в проёме. Свечи за его спиной горели днём, отбрасывая на стены дрожащие тени. Клерка не было. Только олдермен и свёрток пергамента на столе.

Гаррет волочил правую ногу, обходя массивный дубовый стол. Кошель из потрескавшейся кожи лежал рядом со свёртком. Старик высыпал на сукно горсть монет.

Звон золота о дерево разрезал тишину. Томас сглотнул. На языке проступил медный привкус. Сумма втрое превышала обычный пай разведчика.

Гаррет постучал костяшками по столешнице. Три удара. Ритм приговора.

«Три раза по десять. Аванс и остаток по возвращении».

Томас приоткрыл рот. Гаррет положил узловатую ладонь на свёрток. Кожа старика шершавая, с грубыми шрамами от верёвок.

Гаррет сдвинул ладонь. Томас взял пергамент. Жар бумаги обжигал кончики пальцев, храня тепло чужой груди.

Плотное шуршание развернувшегося листа наполнило комнату. Перед глазами расстилалась Москва, густые вологодские леса, далее простиралось слепое белое пятно арктической голомени. Устье Оби перечёркивало аккуратное рваное отверстие от мушкетной пули.

Томас провёл ногтем по шершавым краям. На обороте проступал чужой дрожащий почерк. Пахло речной тиной и старой кровью.

Лицо Гаррета застыло маской.

«Там уже были. Найдите то, что они не смогли забрать».

Дырка в пергаменте сквозила прямо в бездну. Томас слышал глухой стук собственного сердца. Чужой почерк обещал долгую смертельную дорогу.

Он свернул карту, пряча её за пазуху ближе к бьющемуся сердцу. В углу тикали настенные часы, отсчитывая три дня до отхода приливного судна.

Гаррет кивнул на дверь. Старик провёл рукой по лицу, пальцы дрожали.

«Приливное судно уходит в пятницу. Опоздаете — останетесь на берегу».

Томас шагнул обратно в туман. Резкий холод ударил в лицо, пропитанный запахом речной тины и горького угольного дыма. Стук железных подков по брусчатке заглушал шум города.

В кармане камзола тяжело лежал пополнок — полый золотой знак сделки. Монета хранила тепло чужих рук, обещая скорую дорогу на край земли.

Три дня отделяли его от слепой метели.

Тяжёлый запах гнилой трески висел над лондонскими доками. Визг чаек разрывал серый воздух, белые крылья мелькали над мутной водой Темзы. Томас шагнул в сторону от грузчиков, сапоги вязли в чёрной жирной грязи набережной.

На перевернутом баркасе сидела старуха. Лохмотья трепал холодный ветер, срывая с ткани нити. Белёсые глаза буравили его грудь, не мигая.

Томас свернул на доску, стараясь обойти. Её взгляд лёг на его плечи свинцовой плитой, пригвождая к месту.

Вкус железа проступил на языке. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Ветер трепал её седые пряди, срывая запах мокрой овечьей шерсти. Старуха разжала потрескавшиеся губы.

«Томас Уэллс».

Желудок скрутило ледяным узлом. Он не говорил ей своего имени.

«Сын Уильяма».

Мышцы предплечий окаменели. Имя отца знал только он сам и сырая могила в Йоркшире.

Из складок её рубахи повеяло густым дымом ладана. Старуха протянула морщинистую руку. На ладони лежал тяжёлый серебряный круг, потемневший от времени.

«Поплонок. На возвращение».

Томас коснулся металла. Серебро обожгло кожу неестественным жаром вопреки холодному ветру. Он перехватил монету пальцами. Вес давил на центр ладони, тяжёлый, несоразмерный размеру.

Томас повернул круг. По экватору шла мелкая резьба, две половины скрученные воедино.

Он развернул пергамент. Линии маршрута на Обь проступали сквозь бумагу, тонкие почти прозрачные. Ветер норовился вырвать лист из рук. Томас сложил карту вчетверо.

Случайный жест. Он приложил бумажный свёрток к монете. Раздался сухой щелчок. Резьба совпала. Бумага вошла в полость металла, ключ в замок.

Свиток с металлом вырезан одной рукой.

Скрип канатов тянулся над причалом. Дёготь, мокрая лиственница, солёная гниль — запах доков въедался в ноздри. Томас ступал на доски, подошва скользила по рыбьей слизи.

За ним шёл Фэрфакс. Тяжёлый шаг, запах пороха, приторный одеколон не способный перебить пот.

Марфа стояла у кнехта. Серый зипун, рукавицы до локтя, волосы убраны под платок туго. Рядом суетились нанятые: мужики с узлами, баба с котомкой, пьяный боцман ругался с подрядчиком.

Марфа оставалась вбитой в палубу, частью корабля ещё не спущенного на воду.

Томас открыл рот. Марфа подняла ладонь не оборачиваясь.

«Прилив через четверть склянки, не через полчасья, англичанин. Вода поднимается на пядь, не на вершок. Твой ходок ошибся».

Голос её был низкий с оканьем, камень катящийся по гальке. Фэрфакс дёрнул плечом.

Томас посмотрел на воду. Пенная полоса ползла по камням быстрее, чем он считал по таблице. Металлический привкус проступил на языке.

«Тридцать фунтов».

Марфа произнесла не торгуясь не глядя. Фэрфакс выдохнул через нос, сделал шаг вперёд. Доски стонали под его весом.

«Баба, ты слышала сама себя? За такие деньги я двух кормщиков найму, с подпасками».

Марфа повернула голову медленно. В её глазах не было ни злости ни усмешки. Речная тина на подоле, мокрая шерсть зипуна пахла так, будто она спала в трюме.

«Найди. Только до Оби они не дойдут. Там лёд не по картам».

Тишина повисла над причалом. Где-то вдалеке бил молот. Раз. Два. Три.

Фэрфакс открыл рот, закрыл. Томас смотрел на её руки в рукавицах: пальцы сжаты, не дрожат.

Он достал кошель, отсчитал золото. Звон монет по дереву прозвучал коротко, выстрел в лесу.

«Согласен».

Фэрфакс не уходил. Он приближался к Марфе ближе, чем принято. Сапог наступал на край её платка. Она не отступала.

Его дыхание было тяжёлое с хрипом, пахло порохом и кислым потом.

«А ну покажи, баба, как ты руль держала. Руки-то есть?»

Марфа подняла глаза. В них не было страха. Что-то холоднее, голомень зимнего моря.

Томас почувствовал, как сзади щёлкнул курок. Фэрфакс взводил пистолет за спиной для острастки. Щелчок был сухой, перелом ветки в мороз.

Томас встал между ними. Плечом в грудь Фэрфакса, локтем в сторону пистолета.

«Хватит. Сделка есть сделка».

Фэрфакс сплюнул на доски. Слюна упала рядом с сапогом Марфы. Она не моргнула.

«Руку», сказал Томас. «По-английски скрепим».

Фэрфакс хмыкнул. Марфа посмотрела на него, потом на Томаса. Медленно стягивая правую рукавицу. Зубами тянула кожу у запястья. Шерсть скрипнула.

Рука её была широкая, шершавая, наждак. Ладонь в мозолях, тёмных, старый якорь.

Томас взял её. Холодная, крепкая.

И только сейчас увидел: указательный и средний пальцы отсутствуют. Не отрезаны — отрублены. Культя покрыта старыми шрамами, кожа натянулась буграми, ствол после удара топором.

Она не прятала руку, не отводила взгляд. Тепло культей отдавалось в его ладонь. Странное, живое тепло, пульсация того, чего нет.

Томас молчал, смотря на культю, потом в глаза. Кивнул.

«Лиственница», произнесла Марфа, освобождая руку. «На мачту пошла моя. Трещала в шторм, кость. Я её держала, когда все молились. Пальцы — малая цена за мачту».

Она надевала рукавицу обратно, затягивала ремешок у запястья зубами. Фэрфакс отошёл, сплюнул ещё раз.

Ветер с Белого моря бил в лицо, колкий, с крупинками соли.

Томас сунул кошель в карман. Золото звенело глухо, монета в могиле.

Он смотрел на шхуну — гнилую, перекрашенную, с мачтой из той самой лиственницы. Марфа уже шла к трапу, не оглядываясь.

Фэрфакс подошёл ближе, шепнул пахнув порохом.

«Она не просто кормщица, Уэллс».

Томас не ответил, смотря, как Марфа ступает на палубу твёрдо, лёд под подошвой.

Что там было в тех пальцах? Почему она не кричала, когда их рубили?

Тяжёлая дубовая переборка дрогнула от удара сапогом. Томас вошёл в каюту, запирая дверь изнутри.

В каюте повис густой запах топлёного воска и сырой трухи. Свеча на столе металась от сквозняка, отбрасывая на брёвна длинные чёрные тени.

Томас достал монету-пополнок. Гладкие грани резали кожу, обещая скорую сделку.

Холод давил на плечи невидимым ледяным панцирем.

Пергамент шуршал под пальцами, поднимая запах сухой пыли и рыбьего клея. Томас придвинул свечу ближе к желтеющей поверхности.

Тусклый огонь выхватывал из полумрака аккуратное круглое отверстие. Края дырки не несли в себе чёрной гари. Бумага вокруг пулевого прострела истончилась до прозрачности.

Томас провёл подушечкой пальца по шершавому краю. Касание оставило на коже мелкую мучнистую пыль.

Этот пергамент пережил десятки морских переходов.

Томас перевернул тяжёлый лист. Обратная сторона пестрела навигационными пометками, густо замазанными едкими чернилами. Сквозь хаос линий проступала одинокая строка.

Буквы ложились неровным дрожащим почерком. Это была странная вязь, сплетающая латинские петли с русскими вязями.

Свеча треснула, окатив лицо внезапным жаром. Томас наклонился над столом, вглядываясь в выцветшие знаки.

Бумага обжигала глаза немым упрёком.

Два слова складывались в ледяную и точную истину. Это были не координаты устья Оби.

Фитиль свечи почернел, жадно впитывая последний воск. Пламя метнулось в сторону и навсегда погасло.

Каюту залила абсолютная темнота. В уши бился гулкий стук собственного сердца.

Запах едкой гари щипал ноздри. Томас сжимал в кулаке шершавый пергамент.

Они уже ждали его на берегу.

Глава 2. Отплытие

Свинцовая волна захлёстывала борт коча, оставляя на палубе тяжёлую, солёную пену. Томас Уэллс держался за ледяные ванты, чувствуя, как промёрзшая пенька впивается в ладони до крови. Ветер срывал с губ слова, бросал в лицо колючую морось. Мачта-лиственница гнулась над палубой, стонала надрывным, протяжным стоном старой сосны.

Марфа стояла у румпеля, её лицо закрывал мокрый шерстяной платок. Видны были только глаза — серые, тяжёлые, как вода перед штормом. От неё тянуло речной тиной и мокрой шерстью, запах перебивал топлёный воск, въевшийся в камзол Томаса.

— Прибавь парусов! — крикнул Томас, перекрикивая ветер. — Уйдём от сморози!

Марфа не обернулась. Её рука лежала на шершавой древесине румпеля, пальцы не разжимались третий день.

— Море не любит спешки, англичанин, — её голос прозвучал низко, с долгими гласными поморской говоря. — Ложимся на фордевинд.

Томас сжал кулаки. Он привык командовать, привык, что его слушают. Но здесь, на этом судне, он был никто.

Гулкий треск вант ответил ему вместо поморки. Солёная вода въелась в трещины на губах, оставляя липкий, горький налёт.

Море не прощает спешки живых.

Фэрфакс стоял рядом, его плащ раздувало ветром, пахло порохом, потом и тяжёлым, сладким одеколоном, который не мог скрыть страха. Англичанин нервно теребил кобуру пистоля, пальцы скользили по воронёному железу. Он выхватил оружие, направил ствол на матросов, что возились с шкотами.

— Add sail, damn you! We must outrun the frost! — его голос срывался на хрип.

Марфа медленно повернула голову. Её взгляд упал на пистоль, потом на лицо англичанина. Тяжёлое железо в руке Фэрфакса дрожало.

Томас перехватил его руку, оттискивая ствол вниз. Дуло уперлось в мокрую древесину палубы.

— Убери, — сказал Томас тихо. — Здесь не Англия.

Фэрфакс вырвал руку, отступил на шаг. Его глаза метали искры, но он молчал.

Порох пахнет быстрее, чем страх.

Вода под килем изменила цвет. Свинцово-серая гладь стала молочно-белой, мутной, как парное молоко, разбавленное водой. Под днищем коча раздался первый гулкий хруст, передавшийся вибрацией в подошвы сапог. Это была склянка — тонкая ледовая корка, что ломалась под тяжестью судна.

Треск шёл со всех сторон, нарастая, заполняя пространство между волнами. Томас почувствовал, как холод пробирается сквозь сапоги, сковывает пальцы ног. Запах озона повис в воздухе, тяжёлый, металлический, предвещающий снег.

Впереди, в серой пелене, проступили грязно-белые гряды — забереги, подступающие к фарватеру. Море дышало, как старый зверь, выпуская изо рта клубы ледяной пыли.

Глухой удар пришёл снизу, сотрясая киль. Кто-то большой ударил в лёд из-под воды.

Лёд под килем дышит чужим дыханием.

Марфа отпустила румпель одной рукой, её голос прозвучал ровно, камень, катящийся по гальке.

— Трави шкоты, ребята. Ложимся на фордевинд.

Паруса начали опадать, тяжёлая пенька зашуршала по мачте. Фэрфакс снова дёрнулся к пистолю, но Томас удержал его за запястье, чувствуя, как под тонкой кожей бьётся частая, птичья жилка.

Коч вошёл в сплошное ледяное поле, скорость упала, затем судно замерло. Вокруг простирался белый шум, прерываемый только треском сжимающегося пака. Тускло-золотая монета-пополнок в кармане Томаса холодила бедро.

Марфа стояла у руля, её рука снова легла на дерево, пальцы не разжимались.

Белая тишина замкнула их в кольце.

Из белой, густой мглы, повисшей над торосами, выплыл поморский карбас. Киль заскрежетал о лёд — звук протяжный, томительный, будто сам пак стонал под тяжестью. Шумов перелез через борт коча, его сапоги хлюпнули по насту, оставляя мокрые следы. От него тянуло прелой рыбой, кислым дымом курительной трубки, рыбной кровью, въевшейся в поры ладоней. Он молча кивнул, не глядя в глаза англичанину, взгляд скользнул по заберегам.

Металлический привкус проступил на языке у Томаса.

Чужак ступает на палубу, не спрашивая позволения.

Шумов выложил на лёд товар: мешочек крупной соли, три пласта вяленой нерпы, чёрной, словно просмолённой. Жёлтый огонь из карбаса отбросил на снег длинные, дрожащие тени. Томас достал из-пазухи полую монету, серебро блеснуло в сумерках.

Шумов взял пополнок скользкими пальцами, взвесил на ладони. Монета ушла в рукав его рубахи, ткань глухо шуркнула.

— Моя-по-твоя, — выдохнул торговец, сплёвывая в снег.

Соль хрустнула под сапогом Томаса.

Сделка свершается там, где кончаются слова.

Томас развернул карту, пергамент зашуршал в тишине, пахло едкими чернилами, топлёным воском. Он ткнул пальцем в линию, уходящую на восток, к Оби.

— Where is the way? — его голос прозвучал хрипло.

Аня стояла у мачты, запах йода и детского мыла смешался с морозным воздухом. Её голос потянулся медленно, гласные растягивались, слова ложились на лёд заклинанием.

— Путь закрыт дыханием зверя, чуженин. Зверь дышит — лёд встаёт.

Томас сжал край пергамента, ногти побелели.

Переводчик прячет правду в складках длинных слов.

Шумов впервые поднял глаза. Взгляд его был тяжёлый, мутный, как вода под весенним льдом.

— Белая Тень ходит, англичанин. Кит ломает лёд, уводит корабли в бездну. Его спина — остров. Его выдох — туман.

Аня отвернулась к борту, плечи её дёрнулись.

— Он говорит — шторм близко. Надо ждать окна.

Томас смотрел на её руки, спрятанные в рукава. Ложь висела в воздухе, густая, как рыбацкий дым.

Шумов спрыгнул в карбас, лёд треснул под его весом, трещина побежала к кочу. Карбас оттолкнулся от тороса, ушёл в белую мглу, не оглядываясь. На палубе остался узелок соли, перевязанный жилкой.

Томас поднял узелок, жилка холодила пальцы.

За льдом кто-то дышал, не уходя.

Звук пришёл из-под воды — глухой, как пушечный выстрел в тумане. Коч дёрнулся, накренился на правый борт, брёвна стонули, сжимаясь в тисках. Томас Уэллс схватился за ванты, чувствуя, как мокрая пенька впивается в ладони. Лёд вокруг судна полз, смыкался, превращая ночь в белую клетку.

Матросы выбежали на палубу с баграми, рубя наледь у бортов. Ледяная крошка летела в лицо, колола щёки. Фэрфакс стоял у грот-мачты, сжимая пистолет, — порох, пот, приторный

Creed не могли перебить запах страха. Томас смотрел, как багор вязнет в смерзающейся воде, и понимал: они слишком поздно.

— Рубите лёд! — крикнул он. — Рубите, пока не поздно!

Но лёд уже сжимался, поднимая коч, как игрушку.

Лёд не остановишь словами.

Марфа вышла из рубки медленно, неся пучок сухого вереска. Она чиркнула кремнём, дунула на искру — горький, едкий дым заполнил палубу, щипал глаза. Обходила судно, окуривая ванты, румпель, каждый шов между брёвнами. Дым стелился низко, цеплялся за мокрую шерсть зипуна.

Фэрфакс сплюнул за борт, глядя на неё.

— Бабьи сказки. Лёд не остановишь дымом.

Марфа не обернулась. Голос её был ровный, камень, катящийся по гальке.

— Лёд не остановишь. Хозяина — можно.

Фэрфакс рассмеялся, но смех его прозвучал пусто, как эхо в пустой бочке.

Дым стелется низко, цепляясь за мокрую шерсть.

Давление нарастало, лёд лез на борт, поднимая коч. Томас смотрел на мачту-лиственницу: она изгибалась, трещала, но не ломалась. Дуб бы давно раскололся, эта — гнулась, как живая. Марфа стояла у руля, окуривая румпель, её руки не дрожали. Вода в полынье у борта начала пузыриться, поднимая мелкие пузырьки к поверхности.

Фэрфакс взвёл курок пистолета, щёлкнул сухо, перелом ветки.

— Что там? Что в воде? — его голос дрогнул.

Томас не ответил, смотря на белое пятно, появившееся под льдом. Оно двигалось против течения, огромное, живое.

Что-то большое движется под льдом.

Киль подняло — коч накренился, потом выпрямился, потом снова. Лёд вокруг трещал, разламывался, образуя разводье. Тяжёлый, влажный выдох ударил в лицо, обдал паром, запахом тины и соли. Белая спина прошла под судном, огромная, в шрамах, дышащая.

Томас стоял на коленях, руки обожжены дымом вереска. Он не молился, но крестился — медленно, трижды, как учила мать. Лёд расходился, открывая чёрную воду.

Фэрфакс выстрелил — щёлк. Осечка. Ружьё не было окурено вереском.

Море показывает свою силу.

Рассвет проступал сквозь туман бледно-розовой полосой, окрашивая иней на снастях в цвет застывшей крови. Томас сидел на просмоленной бочке, вжимаясь спиной в шершавое дерево мачты. Холод пробирался сквозь шерстяной камзол, оседал на костях тяжёлым свинцовым грузом.

Марфа подошла бесшумно, ступая по палубе мягкой поступью старого зверя. Она протянула ему глиняную чашку. Пар поднимался от отвара, неся горький запах полыни и сушёной морошки.

— Пей, — сказала она коротко. — Это от цинги.

Томас обхватил чашку ладонями. Глина обжигала пальцы живым теплом. Он сделал глоток — горечь разошлась по языку, оставляя металлический привкус на губах.

Горечь отвара смывает страх ночи.

Марфа стояла рядом, глядя на серую линию горизонта. Её правая рука была скрыта объёмистой рукавицей из оленьей шкуры. Томас заметил, как она медленно развязывает ремешок, стягивающий запястье.

Шерсть зашуршала о кожу. Рукавица упала на бочку, открывая культю. Кожа на конце руки была гладкой, белой, блестящей. Она напоминала шрам на борту старого коча после долгого плавания.

Томас не отвёл взгляд. Его пальцы сжали чашку так, что костяшки побелели. Горячий отвар плеснулся через край, обжигая запястье.

— Как? — спросил он тихо.

Марфа посмотрела на него, её глаза были тяжёлые, как вода перед штормом.

— Море забрало. Я не отдала.

Море несёт свои метки на теле тех, кто осмелился смотреть ему в глаза.

Марфа взяла из его рук карту. Пергамент шурхнул, поднимая запах сухой пыли и рыбьего клея. Она провела пальцем по дырке от пули, касаясь шершавых краёв отверстия.

Затем она указала за борт, туда, где в тумане скрылся белый силуэт. Её губы шевелились, но звука не было. Томас наклонился над картой, вглядываясь в дыру.

Траектория прострела совпадала с курсом кита. Это был не промах. Это была печать, наложенная морем на тех, кто знает тайну Оби.

— Дырка — это метка, — сказала Марфа. — Кит оставил её для тех, кто придёт после.

Томас смотрел на карту, на дыру, на свои руки. Всё, что он знал, рушилось.

Карта хранила память о встрече с тем, кто живёт подо льдом.

Фэрфакс вышел на палубу, шатаясь от слабости. Его лицо было серым, руки дрожали, сжимая рукоять многозарядного пистоля. Запах пороха смешивался с приторным ароматом английского одеколона.

— Я убью его, — прошептал он. — Я убью этого зверя.

Марфа выхватила пистоль из его рук одним плавным движением. Лязг металла о дерево прозвучал в тишине, как удар колокола. Она швырнула оружие в открытый люк трюма.

Фэрфакс открыл рот, но не издал ни звука. Его плечи дернулись в беззвучном смехе.

За пеленой тумана, вдали, раздавался низкий вибрирующий звук. Море дышало.

Пистоль ушёл в трюм, но страх остался.

Глава 3. Первый лед

Ночь наливалась свинцом, густея от ледяной мороси. Томас Уэллс стоял у борта, чувствуя, как пак ползёт по обводам коча, смыкается, сдавливает палубу ледяными тисками. Запах озона повис в воздухе, тяжёлый, металлический, предвещающий снег.

Матросы метались, багры и топоры вспарывали ледяную корку. Гулкий треск склянки раздавался со всех сторон, нарастая, заполняя пространство между волнами. Ледяные брызги секли лицо, оставляя на коже жгучие, солёные полосы.

Томас сжал топорище до побелевших костяшек. Шершавое дерево впивалось в ладони. Лёд вокруг коча дышал, выпускал клубы холодной пыли, оседавшей на ресницах.

Лёд сжимал живых в белую клетку.

Марфа вышла из рубки. Шаги по наледи прозвучали глухо, тяжело. Она остановилась посреди палубы, голос прозвучал низко, с долгими, протяжными гласными поморской говоря.

— Бросайте топоры, ребята. Лёд не рубится. Он живёт по своим законам.

Томас обернулся. Лицо его исказилось от бессилия.

— We must cut through! We cannot stay here!

Он рубанул топором по льду. Лезвие вязло в сморози, не оставляя следа. Марфа подошла ближе, рука легла на борт, чувствуя вибрацию дерева. От неё тянуло мокрой шерстью и речной тиной. Этот запах перебивал топлёный воск, въевшийся в камзол Томаса.

Железо не рубит лёд живых.

Лёд лез на борт, поднимая коч. Грязно-белые гряды давили на борта, выдавливая воздух из дерева. Томас видел, как мачта-лиственница изгибается, трещит, но не ломается. Её стон наполнял пространство, тяжёлый, надрывный. Дуб бы давно раскололся, не выдержав давления.

Запах древесной смолы повис в воздухе, горький, тягучий. Вибрация палубы под ногами передавалась в кости, в зубы, в самое нутро. Мачта гнулась, её корни уходили в киль, держась мёртвой хваткой.

Томас отпустил топор. Руки дрожали, пальцы не разжимались. Лёд давил, сжимал, утягивал судно в своё белое царство.

Мачта гнётся, но не ломается.

Фэрфакс взвёл курок пистоля, направил ствол на лёд. Пальцы скользили по холодному железу. Щелчок курка прозвучал сухо, резко. Осечка. Порох отсырел от соли и холода, не желая гореть. Англичанин ругнулся, ударил прикладом о борт. Железо звякнуло о дерево.

Запах пороховой гари повис в воздухе, горький, едкий. Киль поднял судно, лёд вокруг затрещал, разламываясь, образуя разводье, чёрное, как индиго. Коч закачался на воде, свободный, но израненный.

Томас стоял на коленях. Руки обожжены дымом вереска, что Марфа зажгла в чувале. Он не молился, но крестился. Пальцы дрожали, касаясь лба, груди, плеч. Горький дым наполнял лёгкие, жар углей обжигал ладони.

Море отступило, но помнит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.